

УДК 930.2

Н.В. Кладова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК КАК ЗНАКОВЫЙ КОМПЛЕКС

В статье исторический источник рассматривается как знаковый комплекс, содержащий информацию о прошлом, и доказывается, что методы извлечения необходимой информации из исторического источника напрямую зависят от способов кодировки текста.

Ключевые слова: исторический источник, текст как феномен культуры, смысл, понимание, интерпретация.

N.V. Kladova

THE HISTORICAL SOURCE AS THE SIGN COMPLEX

The paper is considered a historical source as a sign complex. The author gives reason for a conclusion that methods of extraction of the necessary information from a historical source depend on ways of the coding of the text.

Key words: historical source, sign complex, historical source as the coded text, the coding of the text.

Для гуманитария любое исследуемое пространство всегда есть Текст, то есть знаковый комплекс, имеющий полифонию смыслов и значений. «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизлияниях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровения) или люди (законы властителей, заповеди предков, безымянные изречения и загадки)», – писал М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» [1, с. 281–282].

Для историка любой Текст – это исторический источник, содержащий информацию о прошлом. Чтобы реконструировать историческое событие, эту информацию нужно извлечь из источника, то есть расшифровать, проанализировать, истолковать. Сделать это можно по-разному, в зависимости от внутренней установки исследователя, работающего с источником. Поэтому в неклассическом источниковедении XX в. оказались востребованы мысли, разработанные в самых разных теоретико-методологических концепциях, прежде всего в структурной лингвистике, философском психоанализе, психологической герменевтике.

Совершенно не случайно, что в XX веке именно М. Бахтин и Р. Барт заложили основы новых подходов к пониманию содержания текста. Согласно их представлениям, текст не может быть просто записан: он существует в тот момент, когда создается, и между всеми теми, кто его создает.

Текст не сводится к материальному телу текста, ограниченному полями листа бумаги, а является «местом производства значений».

В традиции понимания текста, заложенной М. Бахтиным и Р. Бартом, в исследовательской среде принято задаваться глобальными вопросами, а именно: действительно ли задачи, возникающие в процессе работы с текстом, могут быть сведены к извлечению вложенных туда авторских «посланий»? Справедливо ли общепринятое мнение, согласно которому один продуцирует текст, а остальные его потребляют или же слово является двусторонним актом?

М.М. Бахтин представляет текст в виде некоего Образа, ждущего понимания, потому что текст несет бесконечно богатое смысловое содержание. Для него текст – это Личность, Герой, Другой. И если гуманитарий забудет об этом и встанет на позицию «чистого» ученого, то текст превратится в объект возможного рационального манипулирования.

Согласно взглядам М.М. Бахтина, любой текст, в том числе и научный, может стать героем диалога, если будет рассматриваться в контексте культуры. Ведь очевидно, что каждая так называемая «научная истина» имеет смысл. Именно в контексте проявляются разнообразие и одновременно целостность культуры. М.М. Бахтин формулирует мысль о единстве трех областей человеческой культуры – науки, искусства и жизни. Он счита-

ет, что это единство они обретают только в личности. Личность, приобщающая текст к своему единству, и есть автор гуманитарного исследования, который должен «участно мыслить». Невозможно гуманитарное исследование на путях чистой теории, вне общения с текстом, как с другой Личностью. Для этого необходимо ощущение близости к Другому, интерес к нему.

Сам Бахтин убежден в возможности «уловить подлинный голос бытия, а не одного из участников. Он считает, что включение в диалогический контекст невозможно без оценочного момента. То есть вне оценочного момента нет «соучастного» мышления, а значит, нет и гуманитарного знания. Однако здесь возникает опасность как одержимости автора какой-то идеей, так и слияние автора с «голосом» текста, растворение в нем. Абсолютная объективность знания в гуманитарных исследованиях принципиально невозможна именно в силу личностно-оценочного стержня этого знания. В общении с текстом исследователь в своих оценках ограничен своим жизненным опытом, историческим временем, своей культурой. Поэтому гуманитарное знание – это всегда версия, а не закон или формула. Но, чтобы версия была связана с подлинным голосом бытия, необходима ответственная позиция исследователя. Поэтому М.М. Бахтин неустанно повторяет мысль об ответственной позиции, суть которой он видит в том, что исследователь оценивает текст с иной ценностной точки зрения, нежели человек в обычных жизненных ситуациях. Исследователь потому и слышит лучше, и видит дальше, что может задать тексту вопросы, которые тот сам себе никогда не сможет задать. Автор текста как бы предполагает «высшего наадресанта». Высшим же «наадресантом» и является иной уровень ценностей, носителем которого могут быть в разные исторические периоды «бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.». Этот уровень ценностей не является догмой: автор текста постоянно находится в состоянии диалога и с этим Авторитетом. Именно здесь рождается экзистенциальное напряжение, помогающее исследователю избегать самоуверенной субъективности. Бахтин отмечает способность гуманитария-исследователя подняться над поверхностным смыслом текста, пробиться к его более сущностным смыслам.

Согласно взглядам Бахтина, глубина гуманитарной версии определяется способностью исследователя ввести в диалог широкий социокультурный контекст. Но зададимся вопросом: не ве-

дет ли такая активная позиция исследователя по отношению к тексту к субъективному монологу? Очевидно, гуманитарий вынужден балансировать между множеством смыслов текста и монологизмом исследователя, чтобы избежать как фрагментарности, так и жесткой концептуальности.

Роль Бахтина в обосновании нового подхода к гуманитарному знанию общепризнана. Однако идеи Бахтина в историческом источниковедении до настоящего времени практически не востребованы. Видимо, сложный феномен диалогического познания – это именно та проблема, которая стоит сейчас перед гуманитаристикой: понять Другого через общение с Текстом, а не Текст как нечто обезличенное, усредненное Оно.

В рамках структурно-семиотического научного направления понятие «текст» исследователи напрямую связывают с понятием «существование». Под «текстом жизни» подразумевается выход понятия «текст» за узкие для него феноменологические границы. Ю. Лотман сформулировал это следующим образом: «Культура тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом или Природой мир как Текст, и стремится прочесть сообщение, в нем заключенное» [2, с. 10].

Рассматривая текст как смыслопорождающее устройство, Ю.М. Лотман отмечает его следующие свойства: «Текст, подобно зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью. Внутренняя не-до-конца-определенность его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв для его динамики. Казалось бы, текст, проходя через века, должен стираться. Однако в тех случаях, когда мы имеем дело с текстами, сохраняющими культурную активность, они обнаруживают способность накапливать информацию, т. е. способность памяти. А это придает тексту новые смыслы» [3, с. 22].

Текст как феномен культуры одновременно имеет отношение к прошлому и к будущему, совмещает эти два плана и ускользает от попыток его описания в категориях линейного представления о времени. Как соотносятся текст и культура? По определению М. Мамардашвили, «поле культуры бесконечно, как бесконечно поле глаза, внутри которого не существует проблемы предела видения – глаз соотносится только с самим собой» [4, с. 147]. То есть по отношению к самой себе культура самодостаточна и беспредельна. Культура, представляя собой то, что мы уже знаем в виде системы нормативных образцов интерпретации, занимает место того, что каждый мог бы создать. Культура сохраняет следы событий в виде знаков

и символов. Проблема заключается в том, чтобы оживить их, ибо в знаке «следы прошлого налицо, но связь с ними утеряна».

Культура представляет собой как бы застывшую форму памяти, а текст актуализирует эту память, придает ей длительность. Эта длительность сохраняется потому, что текст существует только в дискурсе. Вне процесса творчества текст распадается.

Любой текст может быть представлен как текст наших состояний. Поскольку в культуре текст является носителем функции сохранения памяти, память реализует себя через создание новых текстов, что проявляется в виде интерпретации. Таким образом, культура может рассматриваться как система фиксации и адаптации текста к семиотическим моделям.

Итак, в рамках структурно-семиотического подхода любой исторический источник является, прежде всего, закодированным текстом, содержащим в себе как сознательные, так и бессознательные проекции. В таком контексте особое значение приобретают способы «раскодирования» текста исторического источника.

Согласно взглядам Р. Барта, смысл любого текста может быть закодирован пятью способами, которые используются одновременно и чаще всего (по крайней мере, часть из них) бессознательно:

1. *Код повествовательных действий* характеризует последовательность.

2. *Семантический код* объединяет все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются.

3. *Код культуры* включает в себя все необходимые сведения о культуре данной эпохи, необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читающим.

4. *Герменевтический код* содержит в себе формулировку вопроса, который задается в повествовании, а также формулировки возможных ответов.

5. *Символический код* создает как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании [5, с. 165].

Однако в том пространстве, которое мы осваиваем посредством текста, выявляются моменты, принципиально важные для построения стратегии текста как такового. Эта стратегия определяется понятием «деконструкция».

Деконструкция как метод философствования имеет своей целью выявление системы кодификации текста. Основоположник деконструктивизма Ж. Деррида считал своей задачей построение таких текстов, «где через нейтрализацию комму-

никации, тезиса, стабильности некоторого содержания, равно как и микроструктуры смысла – не только читателя, но и тебя самого охватывало бы в результате новое трепетание, новая телесная дрожь, так что под конец открывалось бы новое пространство опыта» [6, с. 179].

Поиск текста сквозь язык путем демонтажа языка в деконструктивистском варианте имеет своей целью восстановление Текста как онтологического кода, в соответствии с которым выстраивается любой текст. Подобно тому, как в современной живописи изображается не сам эстетический объект, а способ его восприятия на уровне элементов, так и в текстах-деконструкциях обнажается стратегия построения текста, дающая образ первичной коммуникации.

С приходом в историю понятия «деконструкция» изменяется не только и не столько методология исследовательской работы, сколько сам образ мышления историка. Сама деконструкция направлена на выявление внутренней противоречивости текста, обнаружение в нем скрытых и не замечаемых не только читателем, но и самим автором текста, остаточных смыслов. Эти остаточные смыслы достались нам в наследство от речевых практик прошлого, закрепленных в языке неосознаваемых стереотипов, которые тоже в свою очередь бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи.

Каждое исследование исторических источников является своего рода расшифровкой скрытых в них значений. Но каждое раскодирование есть не что иное, как новое кодирование, потому что наши интерпретационные решения основываются на наших же собственных установках, мировоззрении, на нашем эмоционально-психическом состоянии. И к этому следует добавить, что они пропитаны духом и кодами того дискурса, в котором жили люди, составлявшие источник. Наше восприятие и интерпретация лежат в языковом поле. По наблюдению Л. Витгенштейна, «то, что является предметом познания, всегда уже охватено мировым горизонтом языка» [7, с. 426].

Итак, любой исторический источник предстает как организация фактов, связанных сюжетно-смысловым отношением, то есть как событие культуры. В целях постижения объективного содержания реалий, исследователь обращается к нескольким текстам («источникам»), но не всегда их концептуально соизмеряет. Для того, чтобы познать текст источника как историческое явление, необходимо определить типы кодирования реальных фактов в текстах. При этом следует

четко разграничить два процесса: «*понимание*» и «*интерпретация*» текста.

Процесс *понимания* связан с осмыслением текста по содержащимся в нем компонентам. Понимание можно определить как выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установления отношений между ними. *Интерпретация* же представляет собой переход в восприятии текста на более глубокий уровень, связанный с процедурами как чисто логическими, в результате которых получается знание выводного типа, так и с соотношением языковых знаний с неязыковыми. Интерпретация текста осуществляется в контексте познавательной и оценочной деятельности человека в отличие от понимания, которое происходит в результате опоры на знание языка. Интерпретацию при этом можно определить как совмещение понятого в языковом отношении текста со знанием о мире, как умозаключения о содержании текста, преломленные через предшествующий опыт человека. Поэтому интерпретационные акты – это всегда выход за пределы текста как непосредственной данности, в рамках которой человек остается при обыденном осмыслении высказывания и текста.

Создание текста может происходить либо с позиции некоторой внеязыковой ситуации (например, *описание*, т. е. описание, какого-то события), либо исходя из уже созданных, наблюдаемых текстов (например, *хроника событий* с пояснениями и комментариями). В первом случае мы имеем дело с семиотическим замещением объектов в заданной ситуации, т. е. с созданием *первичных тестов*, во втором – с созданием *вторичных текстов*. Интерпретация текста и есть процесс создания вторичного текста.

Отношение первичных и вторичных текстов может быть весьма сложным. Координатами, определяющими диапазон их отношений, выступают:

1) *дублирование*, при котором тексты полностью совпадают как в плане выражения (уровень значения), так и в плане содержания (уровень смысла);

2) *омонимирование*, при котором тексты совпадают в плане выражения, но не имеют ничего общего в плане содержания;

3) *синонимирование*, при котором тексты совпадают в плане содержания, но не имеют ничего общего в плане выражения [8, с. 96–99].

Первичные и вторичные тексты могут совпадать и различаться лишь частично. Если они частично совпадают в плане содержания, то мы говорим об интерпретации. Интерпретируя «чужой» текст, мы создаем «свой» текст – так назы-

ваемый *текст-интерпретатор*, вне которого нет и не может быть интерпретации. Исследовать отношение интерпретирующего текста к «чужому», интерпретируемому тексту – значит исследовать процесс интерпретации. Оценка интерпретации определяется степенью близости текстов: чем ближе интерпретирующий текст интерпретируемому, тем более стандартной является интерпретация; чем дальше эти тексты отстоят друг от друга, тем оригинальней интерпретация.

На первом этапе текст интерпретируется на основе анализа языковых фактов, формирующих данный текст. На втором этапе включается анализ глубинных смыслов. На этом уровне возможно построение некоего текста-аналога, смысловая структура которого может быть выражена с различной степенью детализации, в зависимости от задач, стоящих перед интерпретатором. При создании текста автор может построить конструкцию с одним планом выражения, но с двумя планами содержания (например, в условиях цензуры), в результате чего происходит наложение смыслов.

Следует иметь в виду, что понимание и интерпретация внутренне соотносены с деятельностью, с фундаментальными структурами человеческой психики. Именно целевая установка внутри определенного вида деятельности детерминирует направленность и структуру понимания заданного текста. С другой стороны, относительная завершенность текста позволяет включать его в разные типы деятельности, создавая тем самым типы его смысловых структур.

Конструирование действующих моделей понимания текста предполагает разработку универсальной системы элементарных операций, позволяющей конечным числом шагов «вычислить» смысл произвольного текста. Решением этой задачи занимается структурная лингвистика, а также междисциплинарное направление, которое называется «анализ дискурса». Несмотря на колоссальные наработки в этой области [9], к настоящему времени исследователям уже стало ясно, что сами по себе ни структурные элементы текста, ни отношения между ними недостаточны для установления смысла текста. Сама взаимосвязь текста как некой программы для конструирования одного или нескольких уровней смысла требует уточнения в контексте коммуникационно-познавательного процесса.

Одним из инновационных для источниковедения методов является психоанализ. Несмотря на то, что в России психоанализ так и не получил статуса науки, трудно найти такую сферу человеческой деятельности, где бы он не применялся.

Мы разделяем позицию А.А. Руткевича, считающего герменевтическую версию психоанализа наиболее перспективным способом его истолкования [10]. По нашему мнению, тот факт, что глубинная герменевтика ориентирована на трансцендентальную антропологию, не препятствует применению психоанализа в историческом источниковедении.

Чтобы проверить толкование на предмет его соответствия действительности, по классике психоанализа, нужно иметь возможность вести диалог с тем, кто подвергнут анализу, ибо одним из главных методов получения данных в психоаналитической практике является психоаналитическое интервью с использованием свободных ассоциаций и регрессивного анализа. В исторической науке это возможно лишь отчасти: например, в рамках такого направления, как устная история. Однако если представить, что, имея перед собой текст исторического источника, исследователь вступает с ним в своеобразный диалог, то в этом случае задача исследователя заключается в выяснении того, насколько действительность, отраженная в историческом источнике, искажена групповыми и личными проекциями.

Если рассматривать исторический источник как текст, созданный в определенной системе координат, то такой текст обязательно сохраняет следы бессознательных проекций. Применение психоаналитического инструментария при работе с текстом становится возможным при соблюдении определенных условий.

В современном психоанализе разработана методика поэтапного понимания, внутреннего диалога [11, с. 15]. Этапы психоаналитического понимания иллюстрируют синтез герменевтики и логики, что характерно для психоанализа в целом.

В прикладном психоанализе основным критерием проверки правильности толкования считаются позитивные изменения в состоянии анализируемого, вызванные предлагаемой интерпретацией. Имплицируя данный принцип в источниковедение, критерий когерентности может быть ориентиром при построении психоаналитической модели события, изложенного в историческом источнике.

С целью презентации возможности психоаналитической интерпретации исторического

источника нами были выбраны следственные дела репрессированных (1920–1950-е гг.) [12]. Согласно нашей гипотезе, это позволяет выявить скрытые, неочевидные смыслы исторического источника, что открывает возможности введения его в научный оборот не только в традиционном ключе, но и в неклассической научной парадигме, снимая тем самым проблему недостоверности этого исторического источника. В частности, мы предлагаем характеризовать следственные дела репрессированных как сущностно-содержательную модель советского общества, хранящую в себе информацию о способах выработки антиэнтропийных механизмов в сфере массового политического поведения, что позволяло социуму сохранять состояние неустойчивого равновесия в условиях модернизации властного типа. Психоаналитическая интерпретация следственных дел репрессированных по политическим мотивам в 1920–1950-е гг. дает возможность внести существенную лепту в решение следующих задач:

- показать отражение в следственных делах репрессированных тенденций самоорганизации советского общества в сфере политического поведения;
- продемонстрировать спонтанность процесса самоорганизации через характеристику архетипических образов, обнаруженных в материалах следственных дел;
- выстроить в целом психоаналитический дискурс следственных дел, что позволяет использовать этот источник в качестве основы для исторического моделирования.

Таким образом, исторический источник, как любой текст, имеет множество смысловых уровней, каждый из которых актуализируется при определенных обстоятельствах. Следовательно, анализ исторического источника как текста, возникшего в определенной ситуации и созданного конкретными людьми с определенными (не всегда осознаваемыми) намерениями, требует особых приемов исследования, выходящих за рамки привычных для историка герменевтических процедур, что возможно лишь при условии овладения методами, используемыми в других гуманитарных дисциплинах, прежде всего в таких, как философия, психология и лингвистика.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1979. — 341 с.

2. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю. М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. — Москва : Наука, 1987. — 256 с.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера / Ю. М. Лотман. — Москва : Наука, 1996. — 464 с.
4. Мамардашвили, М. К. Мысль в культуре / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. — Москва : Прогресс, 1992. — С. 143–155.
5. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. — Москва : Наука, 1999 — 310 с.
6. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. — Москва : Культура, 1993. — 208 с.
7. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы. — Москва : Гнозис, 1994. — Ч. 1. — 612 с.
8. Воробьева, С. В. Понимание и интерпретация текста как процедуры коммуникативно-познавательного процесса / С. В. Воробьева // Теоретико-методологические проблемы исторической науки. — Минск, 2001. — Т. 1. — С. 94–102.
9. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 2002. — 416 с.
10. Руткевич, А. А. Глубинная герменевтика / А. А. Руткевич. — Москва : Ин-т философии, 1992. — 54 с.
11. Куттер, П. Современный психоанализ / П. Куттер. — Санкт-Петербург, 1997. — 310 с.
12. Кладова, Н. В. Проблемы исторического познания: источниковедческий аспект / Н. В. Кладова. — Барнаул, 2006. — 286 с.